

РИТМЫ ЕВРАЗИИ¹

I

Задача районирования ойкумены в исторический период связана с определенными трудностями. Традиционное деление на континенты (Европу, Азию и т. д.) представляется нам несколько огрубленным и не соответствующим достигнутому уровню осмысления исторических сведений. Действительно, деление на континенты проводилось по физико-географическим критериям, причем основным разделительным элементом являлись моря: так, Африку от Европы отделяет Средиземное море. Однако для греко-римского мира (суперэтнуса) Средиземное море было не преградой для общения, а, наоборот, способствовало включению Северной Африки в орбиту античной цивилизации. Из приведенного примера видно, что этнографа не могут удовлетворять только орографические подразделения территорий. Жизнь суперэтнических образований протекает в особых месторазвитиях, выделение которых требует знания исторической географии в аспекте связи «этнос — ландшафт».

¹ Статья любезно предоставлена Общественной организацией «Фонд Л.Н. Гумилева».

Так, огромный массив суши, включающий Азию, Европу и Африку, по сути, делится на ряд субконтинентов, то есть месторазвитий, в которых проживают отпущенный им срок те или иные суперэтноты. Естественно, эти суперэтноты с течением времени меняют свои формы, но основной принцип их связи с ландшафтом остается. Этногенез есть прежде всего процесс активной адаптации человеческих коллективов в среде — этнической и природной, причем ландшафтная среда заставляет людей вырабатывать комплексы адаптивных навыков — этнические стереотипы поведения¹. Следовательно, неповторимое сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, определяет его своеобразие — поведенческое и во многом даже культурное. Таким образом, если мы хотим составить представление об этносе, нам нужны этногеографические исследования — выделение и изучение его месторазвития.

Важно отметить, что внутренние моря как раз довольно редко отделяют месторазвития друг от друга. Чаще такую роль играют труднопроходимые области суши. Иногда граница проходит по воздуху: так, Западная Европа отделяется от евразийского пространства отрицательной изотермой января (к востоку от этой границы средняя температура января отрицательна). Юго-западная окраина Евразийского материка (в широком смысле), включающая в себя Сирию и Аравию, составляет единое месторазвитие с Северной Африкой, сходной в ландшафтном отношении. Индия — субконтинент, надежно изолиро-

¹ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

ванный от остальной Азии горами, пустынями и лесами. Особый восточный субконтинент Азии — это Китай, отделивший себя по климатической границе от Центральной Азии Великой стеной.

Однако следует различать районы долин великих рек — Хуанхэ и Янцзы — и приморские районы Дальнего Востока, лежащие северо-восточнее и включающие многочисленные острова. Это разные месторазвития. Своеобразный этнографический мир представляет собой Юго-Восточная Азия (южнее Китая), служащая примером не разделительной, а соединяющей роли внутренних морей. Что же касается северной Евразии, точнее, ее циркумполярной зоны, то она отделена от центральной части континента непроходимыми массивами тайги, по которым как дороги идут реки. Зимой по льду этих рек можно передвигаться на значительные расстояния. Географические условия каждого из перечисленных ландшафтных «миров» неповторимы и оказывают всестороннее воздействие на обитателей региона. Подробнее мы остановимся на одном из месторазвитий Евразийского континента, а именно — на его внутреннем, центральном районе, или Евразии в узком смысле. Она также представляет собой этногеографическую целостность, населенную народами, адаптированными к ее ландшафту. Именно этот регион далее по тексту мы будем называть Евразией.

Евразия с юга ограничивается цепями гор (Кавказ, Копетдаг, Памир, Тянь-Шань), с севера — массивами тайги, с запада — уже упомянутой отрицательной изотермой января, на востоке граница Евразии наиболее определена, так как она была

отмечена Великой стеной. Надо сказать, что из всей имеющейся на планете суши Евразия является самым «континентальным» регионом, гигантской территорией, в достаточной мере удаленной от всех океанов и морей (единственное море, примыкающее к Евразии, — Каспийское, если не считать ныне почти уничтоженное Аральское море).

В широтном направлении в середине Евразии лежит пустыня — на востоке Гоби, на западе Бетпакдала. Ширина этой пустыни зависит от ее увлажнения с востока муссонами, а с запада — циклонами. При обильном увлажнении это относительно неширокая полоса суши, но стоит циклонам или муссонам переместиться на север, в район тайги, пустыня расширяется. Влажные степи превращаются в сухие, сухие степи вытесняют культурные земли. Особенно это заметно на юго-восточной границе, где Евразия соприкасается со Срединной равниной — Китаем. Максимум усыхания степи на границе с Китаем имел место в III в. н. э.

При аналогичном применяемому нами, но более удобном подходе Евразию следует разделить на три региона:

1) Высокая Азия — Монголия, Джунгария, Тува и Забайкалье. В целом в Высокой Азии климат довольно сухой, но в горах увлажнение достаточное.

2) Южный район, охватывающий территории нынешнего Казахстана и Средней Азии, простирается от Алтая до Копетдага. Этот район подвержен аридизации; жизнь там возможна при круглогодичном кочевании в долинах рек и оазисах (если, конечно, не говорить о современных системах ирригации и искусственных ландшафтах городов).

3) Западный, наиболее влажный регион включает Восточную Европу. Здесь имеется плодороднейшая полоса черноземов, а также весьма благоприятная для жизни лесостепная полоса.

Такова в самых общих чертах географическая среда, в которой протекала многотысячелетняя история взлетов и падений континентальных народов — история Евразии.

II

Долгое время бытовало мнение, что лес и степь находятся между собой в оппозиции: степняки и лесовики борются друг с другом. В этнокультурном аспекте это мнение глубоко ошибочно: как степняки нуждаются в продуктах леса, так и наоборот. В течение 2–3 тысячелетий степняки кочевали на телегах, которые можно сделать только из дерева, и смазывали их дегтем — тоже лесным продуктом. Из одного этого факта видно, что народы степи и леса были связаны между собой тесными экономическими взаимоотношениями. Военно-политические контакты между ними тоже не сводились к голому противоборству. В самом тревожном XII веке на Русь было 27 набегов половцев по соглашению, с теми или иными русскими князьями, 5 — по собственной инициативе половцев и 5 нападений русских на половцев. Впоследствии количество набегов несколько сократилось, так как золотоордынские ханы следили за своими подчиненными, чтобы те не слишком грабили налогоплательщиков. Подробно вопрос о якобы врожденном антагонизме леса и степи разобран

в моей книге «Древняя Русь и Великая степь»¹. А для нашей темы важно, что мы можем говорить о западной части Евразии (или Восточной Европе), как степной, так и лесной, как о едином этногеографическом и экономическом целом.

III

Население любого региона, в том числе и Евразии, в существенно большей степени лабильно, чем географические условия. Народы (этноты) возникают и исчезают, ареалы их проживания расширяются и сужаются. При этом расовый состав населения более стабилен, нежели этнический.

Восточная часть Евразии населена монголоидами (в древности — тюрками, начиная с XIII века — монголами). Южную ее часть занимают по большей части метисированные популяции: смесь монголов, тюрков и иранцев. Западная часть населена славянами и угрофиннами (последние живут в основном в верховьях Волги и прилегающих районах).

Надо сказать, что в Среднюю Азию тюрки начали проникать еще в VI веке н. э., а название Туркестан она получила в XV веке. Тогда же, начиная с V века, тюркский народ — хунны — форсировал Волгу и Дон и расселился в южноевропейских степях, правда ненадолго. С IX века в связи с участвовавшими засухами в центральной Евразии в эти же степи переправилась часть печенегов, половцев и чер-

¹ *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

ных клобуков (каракалпаков), тем самым заполнив экологическую нишу. С VIII века в собственно евразийские регионы с Запада распространились славяне, которые заняли Поднепровье и бассейн Волхова.

Все перечисленные народы следует считать аборигенами Евразии, так как их переселения носили характер простых передвижений в пределах своего или сходного этноландшафтного региона, к природным условиям которого они были естественным путем приспособлены. Иноземные же вторжения на территорию Евразии происходили редко и имели незначительный успех. Так, китайцы до XIX века не смогли расселиться к северу от Великой стены. Арабы, захватив Среднюю Азию в VIII веке, или вернулись домой, или смешались с аборигенами. Евреи, которые использовали караванные пути как экономические артерии, создали на территории Евразии только несколько колоний (крупнейшая и наиболее известная из них — Хазарский каганат). Они были элиминированы местным населением к X веку. Отметим, что мы не можем согласиться со взглядами А. Кестлера, автора теории «тринадцатого колена израилева», считавшего восточноевропейских евреев автохтонами. Этот взгляд не соответствует историческим фактам¹.

Вторжения представителей западного суперэтноса (немцев, шведов, поляков и т. д.) были эпизодическими и не увенчивались конечным успехом. В силу всего изложенного мы можем рассматривать

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Евразию не только в географическом аспекте, но и в этническом как единое целое, достаточно резистентное, чтобы отторгать внешние элементы. Но это не значит, что в самой Евразии не происходило внутренних перемен — то есть процессов этногенеза. Их легко отличить по пульсу этнической истории. При пассионарном подъеме и образовании нового этноса идут процессы интеграции и экспансии новой системы в пределах Евразии. И наоборот, при спаде уровня пассионарности (энергии живого вещества биосферы) некогда великие державы рассыпаются и образуются мелкие орды и княжества, которые несут функции государств.

IV

Евразийская древность освещена исторически слабо. Так, нам известно, что в Северном Китае с XV по XI век до н. э. существовало государство Шан, или Инь, — потомки «ста черноголовых семейств». Это было культурное рабовладельческое государство с очень жестким режимом и большим количеством нарастающих противоречий между аристократами и закабаляемой беднотой. В середине XI века до н. э. (предполагается 1066 г.) с этим государством вступило в резкое противоборство племенное объединение из Шэнси, отличавшееся от древних китайцев как стереотипом поведения — повышенной воинственностью, так и расовым типом: у них были каштановые волосы, за что китайцы называли их «рыжеволосыми демонами».

Одержав победу над династией Шан, эти новые мутанты захватили весь Северный Китай, но в VIII в. до н. э. распались. В Китае пошел совершенно самостоятельный, независимый от Евразии процесс этногенеза.

Примерно в это же время (трудно сказать, насколько синхронно) в Семиречье образовался народ, который китайцы называли «се», персы — «сак», а греки — «скифы»; к VIII в. до н. э. он распространился до северных берегов Черного моря, подчинив себе значительное число степных и земледельческих племен Восточной Европы. Греки называют пять видов скифов: царские скифы, скифы-кочевники, скифы-земледельцы, скифы-пахари и болотные скифы, жившие в устьях Дона. Такое аморфное и даже фигуральное наименование скифов показывает, что они представляли собой довольно большое племенное объединение и имели разнообразные типы адаптации к природной среде. Скифская держава в VII–V веках до н. э. была крупной и могущественной: скифам удалось разгромить персидскую агрессию царей Ксеркса и Дария, а также македонский набег полководцев Зопириона. Однако к III в. до н. э. все изменилось; новый пассионарный толчок вызвал к жизни два новых народа: хуннов в Высокой Азии и сарматов в Западной Азии. Сарматы оказались злейшими врагами скифов. Они победили их в истребительной войне и удержали у себя земли Причерноморья и Прикаспия.

Обитавшие на востоке Великой степи хунны объединили племена восточных кочевников (дун-ху),

Южную Сибирь (Туву) и Джунгарию — область усуней. Силы Хунну и Китая были несоизмеримы, но, тем не менее, хунны добились выгодного для себя договора «мира и родства», предусматривавшего обменную торговлю с Китаем. С 209 г. до н. э., когда состоялось объединение хуннов, по 97 г. до н. э. держава Хунну неуклонно растет и одерживает победы. Затем, однако, хунны ослабевают, а Китай, несмотря на понесенные им поражения, начинает доминировать над ними.

В I в. н.э. происходит раскол хуннов. Распавшаяся держава к тому же получила жестокий удар от восставших подданных — сяньбийцев, динлинов и усуней. В 93 г. н. э. хунны потерпели поражение и отступили через горные проходы на запад. Туда ушли только самые «неукротимые» (то есть пассионарные) хунны. Часть хуннов — «малосильные» — предпочли спрятаться в лесистых ущельях Тарбагатая. А «тихие» (лишенные пассионарности) хунны подчинились сяньбийцам и императорскому Китаю. Таким образом, политическая мощь Хунну пала, и держава развалилась на части. Но эти части были неравноценны. Наиболее пассионарная часть хуннов («неукротимые») сумела оторваться от своих противников — сяньбийцев и приобрести новых союзников — манси (вогулов), которые в те времена были народом достаточно пассионарным. Кроме того, хунну, нуждаясь в женщинах, которых они могли провести с собой походным порядком, добыли себе путем набегов достаточное число жен и разместились в низовьях Волги и Яика.

V

Вместе с тем на рубеже новой эры (около 8 г. до н. э.) западную окраину Евразии задел меридиональный пассионарный толчок, вызвавший ряд событий — распространение христианства, великое переселение германских народов и падение Западной Римской империи, заселенной в результате варварами. Этот пассионарный толчок вызвал экспансию готов с южных берегов Швеции, славян в верховьях Вислы, восстания даков в современной Румынии, а также евреев в Палестине. Восстания даков и евреев были подавлены римлянами с большим трудом, но с другими следствиями толчка они справиться уже не смогли.

Западную окраину Евразии захватили остготы, которые подчинили себе пассионарных ругов и славян (антов). Но тяжелее для них была война с гуннами (название «гунны» принято для обозначения западной ветви народа хунну). В 370 г. н.э. гунны сломали сопротивление сарматов, «истомив их бесконечной войной» (как писал Аммиан Марцеллин), перешли через Дон и столкнулись непосредственно с готами. От готов отложились руги и анты (славяне), которые предпочли гуннскую власть своеволию готов. Испытав столь мощное давление, готы частично подчинились гуннам, а частично ушли в Западную Римскую империю (вестготы), где у них была своя, нас не интересующая судьба.

Поначалу гунны поддерживали римских рабовладельцев (во время подавления восстания багаудов). Однако такой союз явно не мог быть прочным.

Настал момент, когда гунны поссорились с Римом и, подавив сопротивление федератов (римских союзников), в 451 году вторглись в Галлию. Гунны приняли бой на широкой равнине около Орлеана — на Каталаунском поле, причем некоторые германские племена сражались на стороне гуннов, а некоторые — на стороне римлян. Кровавая битва окончилась вничью, но гунны после нее отступили и перенесли удар на Северную Италию. Папе римскому Льву I удалось договориться с вождем гуннов Атиллой о том, чтобы он отвел войска. Война прекратилась, а на следующий год Атила умер в своем шатре, в объятиях молодой жены. Атила оставил 70 человек детей, которые вступили между собой в борьбу за престол.

Этим воспользовалось готское племя гепидов, которые нанесли гуннам поражение и заставили их очистить Паннонию. На реке Недао (Недава) произошла решительная битва, в которой погиб любимый сын Атилы Эллак и 30 тыс. гуннов и их союзников. Последний удар гуннам в спину нанесли в 463 году болгары сарагуры, после чего гунны откатились обратно на восток и остатки их осели на Алтае.

VI

Не менее интересна история хуннов в Китае. Династия Младшая Хань, выродившаяся и переверившая власть евнухам, изымала из хуннских кочевий аристократов и учила их китайскому этикету и культуре. Но так как при дворе императоров

единства не было, а партии боролись между собой, то хуннский царевич Лю Юань-хай, сын предпоследнего шаньюя (вождя), сбежал от китайского двора в свои кочевья. В кочевьях он застал мощные антикитайские настроения, потому что немногочисленные хунны устали терпеть унижения и несправедливости со стороны китайцев. Как только они обрели вождя, они решили восстановить «утраченные права». Восстание началось в 304 г. н. э., а к 317 году обе китайские столицы — Лоян (восточная) и Чан-Нага, (западная) — попали в руки хуннов. Лю Юань-хай скончался, оставив своему сыну две боеспособные армии и налаженную систему управления Китаем.

Беда была в том, что китайский канцлер был патриотом Китая, ненавидящим хуннов, а наследник, царевич Лю Цань, был воспитан как хунн. Дело в том, что у китайцев многоженство существует, и все жены отца считаются матерями его детей, тогда как у хуннов при многоженстве младший брат наследует жен старшего, а старший сын — всех жен отца, кроме своей матери. Хунн обязан заботиться об овдовевшей женщине, а китаец не может поднять глаз на женщину, которую он обязан считать своей матерью. Вот потому, когда Лю Цань посещал молодых вдов своего отца, с точки зрения хунна он оказывал им законное внимание, а на взгляд китаец — производил неслыханный разврат. Эта психологическая разница поставила китайскому канцлеру Цзинь Чжуну задачу произвести переворот, покончить с хуннским царевичем и передать власть в руки китайцев.

Как только об этом узнали хуннские боевые генералы, они взяли столицу, покончили с бюрократами

и основали два царства, немедленно схватившиеся между собой (Чжао и Младшая Чжао).

Тут надо отметить, что этнический состав самих хуннов был неоднороден. Еще во времена Ханьской империи к хуннам бежало много китайцев от ее гнета. Хунны принимали их, но не включали в свою родовую систему, а просто позволяли жить рядом, называя их «кулы». «Кулы» говорили по-хуннски и, естественно, мешались с хуннами, но сохранялись как своеобразная общность. Так вот, одна из противоборствующих армий состояла из «кулов», а другая — из хуннских родовичей. После нескольких столкновений «кулы» победили, но эта победа не пошла им на пользу. Приемный сын хуннского царя, горячий китайский патриот, провел геноцид против хуннов, истребив их по всей территории империи Младшая Чжао. Уцелевшие хунны подняли восстание, объединились с сяньбийцами-муюнами, опиравшимися на Маньчжурию. Совместные хунно-сяньбийские войска разгромили в 352 г. китайского узурпатора-убийцу и захватили его в плен. Господами Северного Китая стали сяньбийцы-муюны.

IV век н. э. в Северном Китае был слишком мятежен и беспокоен для того, чтобы там жить. Поэтому многие люди эмигрировали в Великую степь, которая перестала усыхать и стала покрываться травой. Эти полиэтничные переселенцы создавали банды, облагая данью других, миролюбивых, кочевников и совершая набеги на Северный Китай. Разномастное скопище людей, занимавшихся в Великой степи грабежом и отчасти скотоводством, получило название орды «Жужань». Существовала она до середины

VI века, когда была разгромлена своими вассалами тюрками. Создание жужаньской орды было типичным проявлением фазы надлома, наступившей в степном суперэтноте после распада хуннской державы.

В конце IV века государства муюнов (Янь), хуннов (Ся) и тибетцев (Кянь) стала захватывать орда табгачей, очень воинственного и храброго племени. Но, к сожалению, табгачское ханство превратилось в северо-китайскую империю Бэй-Вэй, в свою очередь развалившуюся на четыре части: Ци (в Ляодуне), Чжоу (в Шэнси), Лян (в центральном Китае) и Чэн (в Южном Китае).

Судьбы степного мира и Китая вновь разошлись. В VI в. степной суперэтнос стал наконец выходить из затяжной и тяжелой фазы надлома. В степи вновь появилась интегрирующая сила в лице небольшого, но очень активного и дисциплинированного этноса древних тюрков.

VII

Тюрки в 552 году объединили вокруг себя не только кузнецов, каковыми они являлись, но и кочевые племена теле. В столкновении с тюрками жужани потеряли всю свою воинскую элиту (аристократией ее не назовем), а уцелевшие либо подчинились тюркам, либо сбежали в Северо-Восточный Китай. После этого тюрки провели операцию по объединению всей Великой степи: на юго-восток до Китайской стены, на юго-запад до Амударьи, на запад до

Нижнего Дона, где им подчинились утригуры, ого-ры (угры) и хазары. Создание тюркского каганата и объединение им Великой степи знаменовало собой наступление новой фазы этногенеза — инерционной. При этом свое слово сказала природа: западные тюрки организовали свою державу на территориях, орошаемых атлантическими циклонами. Им нужно было каждое лето посылать молодых людей в прилегающие к Средней Азии горы на заготовку кормов, тогда как старое поколение оставалось в низинах. Восточный каганат пользовался муссонным увлажнением Тихого океана и вынужден был прибегать к круглогодичному кочеванию. Естественно, что постоянно кочующие тюрки были более организованны, чем отделявшие каждый год свою молодежь западные тюрки.

Западных тюрков называли «десятистрельными»: каждый вождь получал символ владычества — «стрелу» и руководил своим родом. Союзниками тюрков были хазары, тогда еще не соприкасавшиеся с иудаизмом. Они принимали у себя на Волге усталые караваны, снабжали караванщиков пищей и женщинами и давали им возможность отдохнуть перед новым тяжелым переходом через Кавказ в Византию.

Противниками тюркских караванщиков были персы, взымавшие с них большую пошлину. В 589 г. персидско-тюркские противоречия вызвали войну между этими народами, в которой персы победили.

Постоянное смешение тюрков и хазар, создававшее значительное перемещение пассионарного генофонда от первых к последним, дало возможность хазарам

отразить арабский натиск в VII веке. Пассионарность арабов была к тому времени исключительно высока вследствие пассионарного толчка V в. н.э. (около 500 года), поднявшего их. В VIII веке арабам удалось вытеснить тюрок из оазисов Средней Азии. Армия завоевателей, мобилизованная в основном из персов, убивала всех мужчин, а женщины давали от агрессоров потомство, легшее в основу современного этноса таджиков.

VIII

В первую половину VII века Китай был объединен династией Тан. Предшествующая династия Суй (589–618 гг. н. э.) потеряла свою популярность вследствие исключительной свирепости правления. А так как пассионарный толчок конца V века в это время поднял население Китая, то большая часть народа восстала против неугодного правительства.

Сама династия Тан и ее сторонники происходили из Северного Шэнси и Ганьсу. Это была совершенно новая общность, отделившая себя и от традиционного Китая, и от степного мира. Они завоевали сначала Китай, а затем, в 630 г., и Восточно-Тюркский каганат, а в 656 г. даже Западно-Тюркский каганат. Но создать мировую державу основателю империи Тан Тай-цзуну Ли Ши-миню не удалось, так же, как и Александру Македонскому. Сходство этих двух деятелей в том, что оба они пытались соединить два чуждых друг другу суперэтноса: Александр — эллинов с персами, а Ли Ши-минь — Китай со степными

народами. Обе попытки соединить несоединимое потерпели конечную неудачу, несмотря на выдающиеся качества обоих полководцев.

Жизнь тюрков при династии Тан была легка, но бесперспективна. Тюркские беки лишились права и возможности совершать подвиги, что они считали смыслом своей жизни. Их кормили, одевали, им платили, но лишили главного — возможности чувствовать себя героями...

ТРОЕЦАРСТВО В КИТАЕ¹

Исследуя историю центральноазиатских кочевников, мы сталкиваемся с фактом, объяснить который невозможно, если не привлечь посторонние, казалось бы, сведения из истории соседних народов. С 200 г. до н. э. по 150 г. н.э. Ханьская династия Китая вела крайне активную внешнюю политику, закончившуюся разгромом державы Хунну². И сразу после этого Китай ослабел настолько, что в IV в. исконные китайские земли в бассейне Хуанхэ попали в руки кочевников. Хунны, сяньбийцы, кяны (кочевые тибетцы), даже цзылу (помесь различных племен) побеждали организованные китайские войска с невероятной легкостью. Вместе с тем никакого подъема в среде кочевников в это время не наблюдается, Наоборот, степи опустели вследствие засухи, достигшей кульминации в III в. н.э., и хозяйство кочевников находилось в упадке. Очевидно, причина победы кочевников лежит в самом Китае, и с этой точки зрения для историка-номадиста представляет особый интерес эпоха падения династии

¹ Опубликовано в Докладах отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 5. 1968.

² *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960.

Хань и Троецарствия. Однако удовлетворить этот интерес нелегко, потому что имеющиеся пособия дают либо слишком краткий обзор событий, либо бесчисленное множество мелких фактов, которые очень трудно свести в стройную систему. Для наших целей непригодно ни то, ни другое. Нам нужно уловить вектор движения и описать механизм преобразования грандиозной империи в бессильную деспотию. Общие фразы о кризисе феодализма не дают никакого представления о ходе событий и причинах победы фамилии Сыма, вскоре погубившей Китай. События совершаются людьми, и с этой точки зрения люди интересны историку. Столь же сложно разбраться в лабиринте частных исследований, разбивающих монолитную эпоху на детали, вследствие чего из-за деревьев и кустов не видно леса. Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, мы приняли методiku обобщения частных фактов, чтобы таким путем уловить закономерности, приведшие Китай от величия к уничтожению. В этом плане создана только одна работа — так называемый «роман» Ло Гуань-чжунна «Троецарствие», написанный в XIV в.¹ Определение этого произведения как романа условно и неточно. В средневековом Китае исторические хроники писались по определенному канону, а все, что не удовлетворяло требованиям официальной науки, выносилось за их пределы. Ло Гуань-чжун написал книгу для широкого читателя и, естественно, пренебрег требованиями наукообразия. Он ввел в текст

¹ *Ло Гуань-чжун. Троецарствие* / Пер. В.А. Панасюка под ред. В.С. Колоколова. М., 1954.

диалоги и психологические мотивировки поступков исторических персон, но, с нашей точки зрения, это не снижает, а повышает ценность исторической реконструкции. Однако мы следуем за Ло Гуань-чжун только в направлении мысли, а не в оценках и выводах, и предлагаем несколько иную концепцию, основанную на научном видении XX в., которое отличается от понимания автора XIV в. Будучи ограничены размерами статьи, мы опускаем огромный библиографический аппарат и, опираясь на общеизвестные факты, взятые под принятым нами углом зрения, отсылаем интересующегося читателя к работам, которые содержат изложение фактов, нами только объясняемых или упоминаемых¹.

Евнухи. Хотя династия Хань перенесла немало потрясений, но до конца II в. она была крепка и стабильна. Ло Гуань-чжун считает, что виновниками упадка были «пожалуй... императоры Хуан-ди и Лин-ди»², но не объясняет, почему и из-за чего они оказались в этой роли. Следовательно, нужно искать эти причины.

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960; Ван Дань-чэнь. История крестьянских революций в Китае. Шанхай, 1953 // Современная китайская литература по общественным наукам. Реферативный сборник. М. — Л. АН. № 10. 1955; Сунь Цзо-минь. Религия и крестьянские войны в истории Китая // Лиши яньцзю. Пекин, 1956. № 5. СКЛПОН. Реферативный сборник № 20. 1957.

² Ло Гуань-чжун. Троецарствие / Пер. В.А. Панасюка под ред. В.С. Колоколова. М., 1954, с. 13–14.

Система Ханьской монархии состояла из трех элементов: центральное правительство, гражданская провинциальная администрация и постоянная армия. По отношению к этим элементам, составлявшим правящий класс, все прочие группы китайского населения были в положении подчиненном и политических прав не имели, но они пополняли господствующую клику, выделяя из своей среды *у* — физически сильных и тренированных людей — для армии и полиции, и *вэнь* — людей, склонных к умственным занятиям, — для пополнения администрации. Последние все были конфуцианцами, что определяло направление ханьской политики и их собственное положение. Необходимость в чудовищно обширном образовании повела к появлению интеллигенции, тесно связанной с династией, которая эту интеллигенцию кормила.

Этой жесткой системе подчинялась огромная страна с разноплеменным населением и стойкими сепаратистскими тенденциями. Твердая власть обеспечивала подданным империи сравнительную безопасность от внешних врагов и относительный порядок внутри страны, а разобщенная кочевая степь не была страшна. Свойственная китайцам терпимость позволяла даосским мудрецам обретаться в провинции, тогда как конфуцианцы процветали при дворе. Все выглядело довольно благополучно, но новая опасность отравила здоровый, хотя и потрепанный уже организм.

Устойчивость правительства вполне зависела от лояльности чиновников, но последние были преданы своей стране, а не капризам правителя. Конфуциан-

цы руководствовались принципами этики, воспринятыми с детства, и ради них могли иной раз пожертвовать карьерой и деньгами. Поэтому они иногда высказывали и проводили мнения, шедшие вразрез с желаниями императора. Например, конфуцианцы резко выступили против проповеди буддизма, несмотря на то, что император Хуан-ди обратился в эту веру. Осуждали они и безумную расточительность императора Лин-ди, возводившего роскошные дворцы и пагоды. Короче говоря, правительство нуждалось не только в толковых, но и в покорных чиновниках. Оно их нашло, и они его погубили.

Практика использования евнухов для работы в канцеляриях была в Китае не нова, но во II в. н.э. она превратилась в систему. Евнухи из низших слоев населения заняли ведущие должности, сосредоточили в своих руках действительную власть и образовали своего рода касту. Их не стесняли никакие традиции. Они выполняли любую волю деспота и при этом составляли путем взяточничества огромные состояния, вызывая ненависть народа. Однако евнухам, державшим в руках правительство, подчинялась армия, и это давало им преимущество в борьбе, которая не могла не начаться.

Первыми выступили против евнухов ученые-царедворцы, т. е. конфуцианцы. В 167 г. полководец Доу У и тай-фу Чэнь-фань пытались составить заговор, но не сумели сохранить тайну и погибли сами. В 178 г. советник Цай Юн представил императору доклад с обличениями евнухов и был сослан в деревню. В восьмидесятих годах тай-фу Лю Тао повторил попытку Цай Юна и был казнен. Конфуцианская

оппозиция, по своей природе ограниченная легальными формами протеста, оказалась несостоятельной перед внутренним врагом.

«Желтые повязки». Придворные евнухи переоценили свои возможности. Преследуя ученых и прижимая крестьян, они заставили тех и других блокироваться, иначе говоря, сами спровоцировали движение и дали ему вождей. В 184 г. некий Чжан Цзяо объявил себя «Желтым небом», т. е. «Небом справедливости», в противоположность «Синему небу» насилия, и началось восстание «желтых повязок». Сам Чжан Цзяо был человек, «которому бедность не позволила получить ученую степень». В основу нового учения легла философия Лао-цзы, но на народ большее впечатление производили наговорная вода, которой Чжан Цзяо лечил больных, и приписываемая ему способность вызывать дождь и ветер. К пророку стали стекаться последователи, более 500 его учеников ходили по стране, проповедуя «Великое Спокойствие» и вербуя приверженцев, число которых росло день ото дня. Они объединялись в дружины с полководцами во главе, дабы перед ожидаемым концом мира установить истинную веру. За полгода силы повстанцев выросли до 500 000 бойцов, причем в числе восставших оказались военнопоселенцы в Аннаме и хунны. Правительство потеряло контроль над страной. Ханьские чиновники прятались за городскими стенами.

Движение «желтых повязок» не было только крестьянским бунтом или политическим восстанием.

Оно ознаменовалось также мощным идеологическим сдвигом: философская система Лао-цзы превратилась в религию — даосизм, вобравший остатки древнекитайского политеизма — почитания шэнов, языческих божеств. Этим даосизм сразу завоевал симпатии широких слоев крестьянства, и, таким образом, крестьянское восстание слилось с проповедью национальной религии, возникшей как противодействие чужеземному буддизму, нашедшему приют при дворе.

Понятно, почему именно учение Лао-цзы, а не конфуцианство было использовано в борьбе против ханьского режима. Сам этот режим был делом рук конфуцианцев, и они могли возмущаться лишь бездарным применением принципа, но не самим принципом. Истинные конфуцианцы — всегда немного ретрограды, так как они воспитаны на истории и уважении к предкам. Кроме того, конфуцианцы, получая образование, отрывались от безграмотного народа, поэтому они выступали в защиту династии против правящих вельмож то как заговорщики, то как руководители легитимистов, нигде не смыкаясь с народными массами. Даже перед лицом смертельной опасности, исходившей от евнухов, конфуцианцы оказались не в состоянии возглавить сопротивление; это сделали мистики-даосы, вбивавшие в себя творческие и беспокойные элементы из крестьянской массы, ибо для мистика не нужно учиться наукам, а нужны горячее сердце и пылкая фантазия, а когда к этому добавились социальная ненависть, обида за века притеснений и несправедливостей, отвращение

к чужеземным фаворитам, то гражданская война стала свершившимся фактом.

Политической организацией даосов была теократия. В Северной Сычуани создано, параллельно с восстанием «желтых повязок», самостоятельное даосское государство с династией учителей—проповедников даосизма; Чжан Лин проповедовал даосизм идейно, и «народ любил его». Чжан Хэн брал за уроки плату рисом, а Чжан Лу объявил себя правителем области и создал школу пропагандистов даосизма, называвшихся *гуй-цзу* — «слуги дьявола». От последователей даосизма требовались вера в своего господина и правдивость. Было введено публичное покаяние. В целях пропаганды устраивались странноприимные дома с бесплатным кровом и пищей. Наконец, среди даосов были отшельники и ученые, жившие в горах и занимавшиеся изучением врачевания, магии и поэзии. Это была даосская интеллигенция, по своему развитию не уступавшая конфуцианской и несколько позже сыгравшая решающую роль в гражданской войне.

Однако, несмотря на то, что страна выступила против династии, перевес сил был все-таки на стороне центральной власти, так как армия осталась на своем посту. С регулярными войсками — латными конниками и арбалетчиками — восставшие крестьяне тягаться не могли. Но, с другой стороны, войска, побеждая в битвах, не могли справиться с мелкими отрядами повстанцев, применявших тактику партизанской войны. Для борьбы с повстанцами требовались не карательные экспедиции, а планомерная война во всех провинциях сразу. Поэтому Лин-ди

был вынужден дать губернаторам провинций чрезвычайные полномочия и разрешить набор добровольцев. Это разрешение и объединение военной и гражданской власти в одних руках сразу сделало каждого губернатора хозяином своей провинции. Вместо того чтобы биться с повстанцами, наместники сделали все от них зависящее, чтобы укрепиться на своих местах. Опору они нашли в крупных землевладельцах, богатых, но лишенных участия в политической жизни. На политическую арену вышли фамилии Юаней, Суней, Сяхоу и встали в один ряд со служилой знатью вроде Ма Тэна, Гунсун Цзана, Хэ Цзиня и с принцами крови из рода Лю. Даосское восстание захлебнулось в крови и окончательно заглохло к 205 году.

Солдаты. Летом 189 г., еще в разгаре усмирения «желтых повязок», скончался император Лин-ди. Он оставил двух малолетних сыновей — Бяня и Се. Сразу началась борьба: за Бяня стоял его дядя, полководец Хэ Цзинь, опиравшийся на свои войска, а Се поддерживала императрица-мать и евнухи. Сначала победил Хэ Цзинь. Императрица-мать была выслана и отравлена, но Хэ Цзинь не успел расправиться с евнухами. Они опередили его: заманили во дворец и убили. Тогда прорвалась ненависть армии к чиновничеству. Находящиеся в Лояне войска взяли приступом дворец и перебили всех евнухов, т. е. все правительство. На другой день в столицу явились регулярные войска из Шэньси, и полководец Дун Чжо захватил власть. Чтобы упрочить свое положение,

Дун Чжо сместил с трона Бяня и заточил его; вскоре несчастный мальчик был убит, а на престол возведен Се под именем Сянь-ди. Таким образом, господство дворцовой клики сменилось военной диктатурой и конфуцианцы-легитимисты опять оказались в положении гонимых. Попытка полководца Дин Юаня восстановить порядок кончилась тем, что Дин Юань был убит одним из офицеров Люй Бу. В бесчинстве и разнузданности солдаты превзошли евнухов. Например, однажды Дун Чжо повел свое войско на поселян, справляющих праздник. Солдаты окружили ни в чем не повинных людей, перебили мужчин, а женщин и имущество поделили между собой. Населению столицы было объявлено, что одержана победа над разбойниками, но это никого не обмануло.

Если управление евнухов породило в стране недовольство, то солдатский произвол вызвал взрыв возмущения. На борьбу с Дун Чжо и армией поднялись крупные землевладельцы и провинциальная знать. Этот класс населения успел сформироваться в политическую силу при подавлении восстания «желтых повязок». Теперь он начал борьбу с правительством под лозунгом защиты императора и восстановления порядка. Но лозунг не отражал сущности дела: земщина боролась против разнузданной солдатчины за свои головы, земли и богатства. Во главе восстания встал Цао Цао, служилый офицер из землевладельческой шаньдунской фамилии Сяхоу; к нему примкнули братья Юань Шао и Юань Шу, богатые помещики, члены знатного и влиятельного рода Юаней, правитель округа Бэйпин-Гунсун Цзан, наместник Чанша-Сунь Цзянь и многие другие. Финансиро-

вали ополчение провинциальные богачи. Однако борьба с регулярной армией оказалась весьма тяжелой. Военные действия сосредоточились на подступах к Лояну. До тех пор пока аристократы не привлекли к себе и не использовали профессиональных конных стрелков, кондотьеров, вроде Лю Бэя, Гуань Юя и Чжан Фэя, победа им не давалась, но численный перевес и сочувствие населения спасли их от поражения. Дун Чжо был вынужден очистить Лоян. Перед отходом он казнил 5000 лоянских богачей и конфисковал их имущество; остальное население было выведено и угнано в Чанъань, куда Дун Чжо решил перенести столицу, а Лоян был сожжен.

Земское ополчение заняло развалины столицы и распалось. Между полководцами не оказалось и тени единства — каждый думал о себе и поспешил в свою область, страшась своих друзей. Только один Цао Цао бросился преследовать Дун Чжо. Но не ополченцам было равняться с регулярной армией: Дун Чжо заманил Цао Цао в засаду у Жунъяна и разбил его наголову. После этого ополчение развалилось окончательно, а полководцы вступили в борьбу между собой, стремясь округлить свои владения. Благодаря этому Дун Чжо укрепился в Чанъани и, имея в своем распоряжении императора, рассылал указы от его имени. Правда, этим указам не повиновались. Империя начала распадаться. В Чанъани царил террор. Дун Чжо был страшен своим приближенным больше, чем врагам. Вельможа Ван Юнь составил заговор, и с помощью уже известного нам Люй Бу Дун Чжо был убит. Власть захватил Ван Юнь, но так как он начал карать ближайших офицеров Дун

Чжо, они восстали со своими частями. Мятежники взяли Чанъань и убили Ван Юня. Люй Бу прорвался с сотней всадников и бежал в Хэнань.

Теперь во главе армии оказались генералы Ли Цзюе и Го Сы. Они продолжали дело Дун Чжо. Против них выступили правители северо-западных областей — Ма Тэн и Хань Суй, но были разбиты и отогнаны от Чанъани. Смерть Дун Чжо оказалась переломным моментом в истории Китая. Ни один правитель области не хотел подчиняться мятежникам, держащим императора в плену. Но ни один не поднялся на защиту престола, и армия, успевшая деморализоваться и превратиться в разбойничью банду, спокойно проедала запасы, собранные в Чанъани. Вскоре генералы рассорились и вступили в борьбу между собой. Иначе и быть не могло, ибо пьяные от крови и вина солдаты не могли и не хотели сдерживать свои инстинкты и отказываться от привычки к убийству. На улицах и в окрестностях Чанъани вспыхнули кровопролитные схватки и воцарился полный беспорядок. Воспользовавшись этим, император с несколькими приближенными бежал от своей армии на восток. Там его с почетом встретил правитель Шаньдуна Цао Цао. Ли Цзюе, Го Сы и другие офицеры погнались за императором, но были встречены уже обученными войсками Цао Цао и разбиты наголову в 196 г. Так исчезла вторая опора династии Хань — армия. Ли Цзюе и Го Сы еще два года держались в Чанъани, пока их там не тревожили. В 198 г. их головы были доставлены Цао Цао, ставшему за это время *чэн-сяном*, т. е. главой правительства. Посмотрим, как это произошло.

Честолюбцы. Вернемся назад, к 191 г., когда армия очистила столицу и страну, развязав руки земскому ополчению. Ополчение развалилось, так как представлявшие его генералы отнюдь не были подготовлены к политической деятельности. Они были тесно связаны со своими земельными владениями и со своими многочисленными клиентами, но идея государственности была им чужда. Как только миновала угроза со стороны центральной власти, правители начали округлять свои владения. На севере, в Хэбее, схватились Юань Шао и Гунсун Цзан. На юге Сунь Цзянь, хозяин низовьев Янцзы, попытался завоевать владения Лю Бяо, расположенные между реками Янцзы и Хань, но был убит в битве. Его сын Сунь Цэ вступил в союз с правителем Хэнани и Аньхоя-Юань Шу и с его помощью подчинил себе много уездов к югу от Янцзы. В Шандуне вспыхнуло новое восстание «желтых повязок»; его усмирил Цао Цао в 192 г. и включил сдавшихся мятежников в свои войска. В результате его армия оказалась одной из сильнейших, и это побудило его устремиться к дальнейшим завоеваниям: он напал на Сюйчжоу. Правитель Сюйчжоу, будучи не в силах организовать сопротивление, пригласил специалиста — прославленного воина Лю Бэя.

Лю Бэй явился со своей дружиной и побратимами Чжан Фэем и Гуань Юем; последний был талантливым полководцем. Выход Лю Бэя на политическую арену знаменовал новый сдвиг в общественных отношениях Китая. Лю Бэй принадлежал к совершенно обедневшему дворянству, по существу, он был деклассирован и стал кондотьером. Таковы

же, за исключением происхождения, были его «братья» — Чжан Фэй и Гуань Юй. Наступила эпоха, когда торговля шпагой стала приносить огромный барыш. Лю Бэй со своим отрядом прорвался сквозь армию Цао Цао и спас положение. В это самое время другой авантюрист, уже известный нам заговорщик Люй Бу, ударил в тыл Цао Цао и заставил его снять осаду с Сюйчжоу. Судьба Люй Бу еще более показательна, чем карьера Лю Бэя. Люй Бу бежал из Чанъ-ани с сотней всадников и некоторое время бродил по Китаю, предлагая свои услуги всем желающим. Знатные Юани отвергли выскочку, но Лю Бу все же нашел хозяина — Чжан Мо, правителя области Чэнлю, и с его помощью сформировал 50-тысячную армию. Воспользовавшись затруднениями Цао Цао, Люй Бу попытался выкроить себе владение в Шаньдуне. Чрезвычайно любопытна мотивировка авантюры, затеянной Люй Бу: «Поднебесная разваливается на части, воины творят, что хотят... Люй Бу сейчас самый храбрый человек в Поднебесной и вместе с ним можно завоевать независимость». Аналогичное мнение высказал крупный политик Лу Су. Идею общности Китая и идею династии можно было считать утерянными. В битве при Пуяне Люй Бу разбил Цао Цао, но не развил успеха, ограничившись захватом небольшого удела для себя. Этим он поставил себя на равную ногу с аристократами. В Сюйчжоу Лю Бэй сделал то же самое, приняв власть у старого и вялого местного правителя.

Появление новых соперников заставило аристократов почувствовать классовую солидарность, и Юань Шао выставил против Люй Бу 50-тысячное